

ХЕЛИМСКИЙ Е. А.

РЕШЕНИЕ ДИЛЕММ ПРАТЮРКСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
И НОСТРАТИКА

1. В таксономии компаративистических дисциплин ностратика призвана соотноситься с семитохамитологией, картвелistikой, индоевропейстикой, уралistikой, дравидологией, алтаистикой так же, как индоевропейстика соотносится со славistikой или германистикой, уралистика — с самодистикой и т. д. Отсюда зависимость ностратической реконструкции от результатов, полученных в сравнительно-исторических грамматиках соответствующих языковых семей, и стремление проверить ностратiku данными «поглощаемых» (или, лучше сказать, объединяемых) ею разделов компаративистики, которым продиктованы многие отклики на первые два тома «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча [1—2]. (К настоящему времени издан и первый выпуск третьего тома [3].) К числу их относится дискуссионная статья А. М. Щербака «О ностратических исследованиях с позиций тюрколога» (ВЯ, 1984, № 6), где «предпринимается попытка соотнести важнейшие положения работ В. М. Иллич-Свитыча и комментарии к ним его коллег с представлениями о фонологической системе и морфологической структуре тюркских языков, сложившимися в тюркологической среде» (с. 30). Дальнейшее содержание статьи показывает, что предложенная ностратическая реконструкция с этими представлениями, по мнению автора, несовместима.

Полезно сразу уточнить, о каких представлениях фактически говорится в статье. Речь идет не о непосредственных результатах синхронного анализа тюркского материала: А. М. Щербак целиком сосредоточивается на таких проблемах, как характер связей тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими и оценка отдельных алтайских этимологий, выявление замаскированных вторичным семантическим развитием изобразительных слов, возможность существования сонантов и звонких согласных в пратюркском анлауте, «ротацизм/зетацизм» и «лямбдаизм/сигматизм», генезис долгих гласных. Уже этот перечень позволяет считать, что автор поторопился приписывать «тюркологической среде» сколь-нибудь единые «сложившиеся представления» по рассматриваемым проблемам. Расхождения чрезвычайно велики и многообразны. Так, Г. Дёрфер, на работы которого многократно ссылается А. М. Щербак, занимает — подобно автору статьи — позицию противника теорий алтайского (а заодно и ностратического) родства. Но это не мешает ему — в отличие от А. М. Щербака — признавать первичность плавных в соответствиях типа $r : z$, $l : \xi$ (в работах последнего времени, см. [4]) и реконструировать не две, а три ступени долготы пратюркских гласных. А. Рона-Таш, напротив, считает сибиллянты z , ξ исходными, но зато поддерживает (с некоторыми оговорками) концепцию алтайского родства и реконструкцию анлаутных звонких [5, 6]. Дж. Клосон, также не признававший внешних генетических связей тюркских языков, реконструировал оппозицию глухих и звонких шумных в анлауте [7]. В. И. Цивциус в целом принимал взгляды А. М. Щербака на пратюркское фонологическое состояние, но не трактовку алтайских лексических параллелей как результатов заимствования [8] и т. д. Определенным единством или близостью воззрений по перечисленным узловым проблемам характеризуется, пожалуй, только традиция, которая связана в первую очередь с именами Г. Рамстедта, М. Рясненена, Н. Поппе, К. Г. Менгеса и которая была принята и отчасти развита дальше В. М. Иллич-Свитычем. Основные положения этой традиции — при-

нятие алтайского родства и признание пратюркского состояния в ряде отношений неархаичным в сравнении с праомонгольским и пратунгусо-маньчжурским. А. М. Щербак давно известен как антагонист алтаистической традиции, и его последняя статья во многом продолжает или даже повторяет более ранние антиалтаистические выступления ([9] и др.).

Таким образом, мы вправе констатировать, что «сложившиеся представления», о которых пишет критик, в своей совокупности отражаются только в его монографии «Сравнительная фонетика тюркских языков» [10], которая бесспорно выделяется энциклопедичностью в отражении материалов и опыта фонетического изучения тюркских языков, в особенности их современных диалектов. В то же время книга предлагает такой вариант пратюркской реконструкции, который — как с полной очевидностью показывает А. М. Щербак в своей статье — кардинально расходится и с интерпретациями В. М. Иллич-Свитыча, и с самими данными ностратического сравнения, не оставляя места для каких-то компромиссов.

Причина подобного расхождения, как нам представляется, состоит не в том, что В. М. Иллич-Свитычем «конкретные языки воспринимались сквозь призму предварительно сформулированных соответствий» (с. 35) и, тем более, не в том, что ностратического языкового родства не существует. Признание или непризнание этого родства пока остается для лингвистов вопросом конфессионального характера. Сам факт наличия многочисленных материальных сходств между индоевропейским, уральским, тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, картвельским, в меньшей мере дравидийским и афразийским праязыками не отрицает, по-видимому, никто. Большинство оппонентов ностратики полагает, что материальные сходства такого рода могут быть следствием не только родства, но и, например, тесных контактов в условиях первобытного этнического континуума и т. п. В пользу теории В. М. Иллич-Свитыча говорит прежде всего весь опыт компаративистики, которая до сих пор успешно оперировала моделями языковой дивергенции и обходилась без «конвергентных» моделей.

Фактической причиной расхождений между В. М. Иллич-Свитычем и его критиком оказывается различный подход к дилеммам реконструкции пратюркского языкового состояния, гораздо более близкого к нам по времени. Те позиции, с которых А. М. Щербак критикует методы и результаты ностратических исследований, характеризуются — как мы попытаемся показать ниже — принципиальной глоттогонической установкой: вся предыстория тюркского праязыка воспринимается им, по-видимому, как эпоха рождения языковых форм и структур, которые, однажды возникнув, сохранялись далее неизменными (отсюда недоказуемые тезисы об исходности таких черт фонологического строя тюркских языков, как сингармонизм, отсутствие звонких согласных и сонантов в анлауте, преобладание односложных основ, отсутствие палатального ряда согласных — с. 34—35, 38, см. также [10, с. 71, 106, 121, 187 и др.]¹). Реальную возможность контроля пратюркской реконструкции извне А. М. Щербак принципиально отвергает, ср.: «На вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно» [10, с. 12]. Такой негативизм представляет собой совершенно непремлемым. Пусть даже все алтайские лексические параллели будут, как полагает А. М. Щербак, результатом заимствования из тюркских языков; но тогда пратюркская реконструкция о б я з а н а учитывать и объяснять фонетический облик этих заимствований².

¹ Следует подчеркнуть, что ностратика В. М. Иллич-Свитыча полностью лишена глоттогонической направленности. Она увеличивает (возможно, до 10—15 тыс. лет) глубину досягаемости сравнительно-исторического метода, но не дает и не может дать решения проблемы происхождения языка. Итог ностратической реконструкции — язык глубокой древности, но не некий «первозыск».

² Это обстоятельство, как и неубедительность многих реконструктивных решений автора в [10] уже отмечались специалистами, стоящими как на «алтаистических», так и на «антиалтаистических» позициях — см. рецензии [11, 12], а также отдельные замеча-

2. Позволим себе начать обсуждение некоторых дилемм праторкской реконструкции с того пункта, в котором позиции ностратики представляются особенно уязвимыми. Можно согласиться с А. М. Щербаком (с. 38—39) в том, что гипотеза о ларингальном происхождении тюркских (а также, добавим, тунгусо-маньчжурских и уральских) долгот — не самая удачная часть ностратической реконструкции В. М. Илич-Свитыча. Это признавал и В. А. Дыбо в редакторском предисловии к первому тому Ностратического словаря [1, с. VI]; в третьем томе он в ряде случаев указывает на трудности в соотношении реконструируемых ларингалов с алтайской просодией [3, с. 47, 52]. В отдельные праформы явно должны быть внесены коррективы: например, неизвестный ларингал в ностр. **baHL* «привязывать» [1, № 2] вводится на основании долготы в тюрк. **bā-*; установлено, однако, что в тюркских корнях структуры *CV* долгота носит автоматический характер [10, с. 135—136; 15]. Достаточно часто долготы гласного должны, по-видимому, объясняться относительно поздними компенсаторными процессами, связанными с утратой гласного следующего слога³ — см. использование этого объяснения в [3, № 378]; возможно, существуют и другие конструктивные пути решения проблемы праторкских долгот.

Свое справедливое замечание критик сопровождает, однако, отсылкой к своей гипотезе о происхождении праторкских долгот: «...на той стадии развития, когда господствовал моносиллабизм и большую роль играли слоговые акценты, сложилась оппозиция двух просодических типов слога: вокальновершинного и консонантнотвершинного. Долгие гласные развились в слогах с вершиной на вокалической части» (с. 39; ср. [10, с. 134—138]). Как и другие глоттогонические построения, эту гипотезу можно только обсуждать, но нельзя ни опровергнуть (если данные внешнего сравнения принципиально игнорируются), ни тем более доказать. Вопрос о генезисе количественной оппозиции гипотеза А. М. Щербака не решает, а просто подменяет вопросом о генезисе оппозиции просодических типов и к тому же порождает другой вопрос: какими антропологическими особенностями прототюрков определялась их уникальная способность произносить «консонантнотвершинные» слоги, проще говоря — слоги с ударением на согласном?

3. Отвергая большую группу ностратических и алтайских этимологий с сонантами (**l*, **m*, **n*, **ŋ*) в аялауте, А. М. Щербак ссылается на «противопоказанность» начальных сонантов тюркским языкам (с. 34—35). С равным основанием можно было бы, например, отвергать индоевропейские этимологии со звонкими придыхательными, которые, как известно, «противопоказаны» русскому и другим славянским языкам. Характерной чертой позиции А. М. Щербака по данному вопросу остается приписывание праторкскому состоянию неких абсолютных, неизменных во времени свойств; если к моменту распада праязыка (а только этой глубины и может достичь тюркская реконструкция) в нем не было определенных фонологических единиц⁴, то их не должно было существовать ни в какую более раннюю эпоху. Следует отметить, что в данном случае взгляды А. М. Щербака расходятся со взглядами большинства тюркологов. Наличие значительного числа алтайских лексических параллелей, в которых четырем разным аялаутным согласным в монгольском — **d*-, **ʒ*-, **j*- и **n*-, а также тунгусо-маньчжурским **l*- и **ŋ*- соответствует один и тот же тюрк. **j*-, уже давно оценивается как свидетельство нейтрализации соответствующих противопоставлений в праторкскую эпоху, слияния разных фонем в тюрк. **j*-, см. литературу и примеры в [16, с. 22—23, 27—28, 31—33,

ния и комментарии в работах Г. Дёрфера [4, с. 31—32], Б. А. Серебrenникова и Н. Э. Гаджиевой [13], Т. Текина [14, с. 55—56].

³ Гипотеза компенсаторного удлинения не предполагает, что оно было е д и н с т в е н н ы м источником тюркских долгот, поэтому детальная критика этой гипотезы у А. М. Щербака [10, с. 127 и сл.] не достигает цели.

⁴ В действительности есть достаточно оснований реконструировать тюрк. **m*- и — в очень немногочисленных словах — **n*- (ср. **majī*- «слабеть», **matur* «герой», **mort* «хрупкий, рыхлый», **nā* «что» и др.).

36—39). Признание этого факта не зависит от отношения к теории алтайского родства: считая монгольские формы с *d*-, *ʒ*-, *j*-, *n*- тюркскими заимствованиями. Дж. Клосон тем не менее опирался на них для установления «первоисточников» тюрк. *j*- [7, с. 869—988; 17]. Однако автор, также придерживающийся версии заимствований, ограничивается воспроизведением тюрк. *ʃ-⁵, не предлагая какого-либо серьезного фонетического объяснения разностью его отражений при предполагаемом заимствовании, ср. [9, с. 32—33].

4. Существуют, как уже отмечалось выше, разные мнения относительно того, противопоставлялись ли в пратюркском глухие и звонкие анлаутные смычные. Применительно к дентальным суть позиции В. М. Иллич-Свитыча [49] такова: между языками, различающимися *d*- и *t*- (огузские, тувинский, тофаларский), имеются значительные расхождения в употреблении этих звуков; предлагается реконструировать **t*- в тех случаях, когда хотя бы в части этих языков представлен *t*-, и **d*- в тех случаях, когда везде последовательно представлен *d*-⁶. Этому Г. Дёрфер [20] и А. М. Щербак (с. 36—37) противопоставляют следующее утверждение: между языками, различающими *d*- и *t*- (огузские, тувинский, тофаларский), имеются значительные расхождения в употреблении этих звуков. Это утверждение вполне справедливо (ср. выше), но, к сожалению, существа дела оно не затрагивает.

Следует отметить, что фактически количество расхождений в употреблении *d*- и *t*- значительно уступает количеству совпадений. Это иллюстрирует следующая таблица, для составления которой использован сопоставительный словарь в книге В. И. Рассадина [4]:

Тип соответствия	Количество примеров в парах языков			
	тоф.—тув.	тоф.—азерб.	тоф.—тур.	тоф.—туркм.
<i>d</i> — <i>d</i>	98	34	32	46
<i>d</i> — <i>t</i>	18	7	13	9
<i>t</i> — <i>d</i>	11	4	2	5
<i>t</i> — <i>t</i>	18	6	8	10

Как можно видеть, во всех случаях «одноименные» соответствия (*d*—*d*, *t*—*t*) решительно преобладают над «разноименными», что может служить косвенным подтверждением реконструкции В. М. Иллич-Свитыча (хотя допускает и иные интерпретации) и, во всяком случае, облегчает процедуру установления пратюркских архетипов.

Разумеется, рассматриваемую дилемму нельзя считать вполне решенной, пока не установлены (или установлены лишь частично) закономерности, регулировавшие процесс постепенной замены *t*- на *d*- в каждом из пяти языков и в их диалектах.

5. Соответствия тюрк. *z*: булг., монг., тунг. *r* и тюрк. *ʒ*: булг., монг., тунг. *l* В. М. Иллич-Свитыч, следуя известному решению Г. Рамштедта и его последователей, возводил к тюрк.-булг. (а также алт., ностр.) **f* и **l'*, в отдельных случаях к **r* и **l* со вторичной палатализацией [1, с. 170, 172, 239]. А. М. Щербак выдвинул гипотезу, согласно которой «*z*, *r* и *s* в тюркских языках восходят к одному из аллофонов пратюркского /**s*/'—

⁵ Такую неожиданную реинтерпретацию А. М. Щербак, следуя своей теории начальной глухоты тюркского анлаута, предлагает для **j*- [10, с. 79—80, 159—160]. См. критику Е. А. Серебrenникова [13, 18].

⁶ Считая, что общей тенденцией развития рассматриваемых языков была постепенная замена *t*- на *d*- (но не наоборот), В. М. Иллич-Свитыч во всех случаях колебаний между *d*- и *t*- квалифицирует *t*-формы как реликтовые. Иначе говоря, здесь применена стандартная для сравнительистики процедура реконструкции по реликтовым формам—ср. роль «неправильных» словоизменительных форм при реконструкции парадигм. Предложенная реконструкция (в которой впоследствии **t*- был заменен на **t'*-, а **d*- на **t*- хорошо согласуется с данными внешнего (алтайского и ностратического) сравнения, что, с нашей точки зрения, и решает вопрос о ее адекватности.

слабому *s*, выступавшему в положении после долгого гласного в односложных словах и после любого гласного в словах из двух и большего количества слогов» ([9, с. 31]; см. также [10, с. 56, 85—88, 161—162]). Эта гипотеза неприемлема в силу того, что в тюркских односложных представлениях не только типы $-\ddot{V}s$ и $-\ddot{V}z$, к которым апеллирует ее автор, но также $-\ddot{F}s$ и $-\ddot{V}z$, ср. *jās* «ущерб», *köz* «глаз»⁷ [11, с. 337; 12, с. 99; 14, с. 55—56]. Сейчас А. М. Щербак пользуется более осторожной и расплывчатой формулировкой: «...ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — результат относительно позднего развития слабых (звонких) аллофонов пратюркских фонем **s*(*z*) и **š*(*ž*) в своеобразных фонетических условиях, которые предстоит еще уточнить (! — Х. Е.). Однако независимо от этого (? — Х. Е.) уже сейчас мы вправе заявить, что тезис о существовании первичных алтайских (пратюркских) **f* и **l'* несостоятелен» (с. 38).

Ограниченный объем статьи не дает нам возможности остановиться на многочисленных свидетельствах того, что первичны именно плавные (не обязательно, впрочем, палатализованные: можно думать также о ретрофлексных или имеющих иную дополнительную артикуляцию **r*₂, **l*₂, (ср. [16, с. 77, 80]) по отношению к сибялянтам. Упомянем, в частности, что анализ случаев с чередованием *z* : *r* в небулгарских тюркских языках, которые отмечались уже давно, в том числе и А. М. Щербаком [10, с. 87—88], а в последнее время были собраны Т. Текином [14, 22, 23] и Р. Г. Ахметьяновым [24], позволяет установить, что это чередование носит закономерный характер. Наиболее типичными и архаичными являются те случаи, когда *z* предстал в левом слухаутной или интервокальной позиции, а чередующийся с ним *r* (иногда *r/z* или *r/s* в качестве вариантов) — в составе консонантных сочетаний, ср. *boγuz* «горло»: *boγurdaq* «гортань», *boγurul* «(животное) с белой шеей»; *jäviz* «плохой»: *jävri* «ослабевать»; *qüz* «девушка, дочь; невольница, наложница»: *qürqin* «невольница, наложница» и т. д., и даже *tägiz* «море»: *tägri* «небо, бог»⁸ (подробный разбор материала по данной проблеме подготовлен нами к печати). Нетрудно увидеть, что сформулированное нами правило находит наиболее правдоподобное типологическое объяснение именно при предположении о том, что общий источник *z* и *r* отличался от «чистого» **r* некоторой дополнительной артикуляцией, которая обусловила его развитие в *z* в сильных позициях и нейтрализацию с *r* в слабых (в составе консонантных сочетаний). Допускать развитие **boγur*₂, **boγur*₂daq, **boγur*₂ul > *boγuz*, *boγurdaq*, *boγur*ul гораздо естественнее, чем выводить *boγurdaq*, *boγur*ul из **boγuz*daq, **boγuz*ul или тем более (следуя А. М. Щербаку) из **boγus*daq, **boγus*ul.

Внутритюркские свидетельства первичности **r*₂, **l*₂ по отношению к сибялянтам целиком согласуются с данными алтайского сравнения (плавные в булгарских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках, т. е. в «двух с половиной» из трех ветвей алтайских языков) и сравнения на пострататическом уровне. В основных публикациях В. М. Иллич-Свитыча по пострататике [1—3, 25, 26], а также в его картотечном наследии (обработку и подготовку которого к печати ведет В. А. Дыбо) представлено около 30 таких пострататических этимологий, в которых тюркские рефлексы содержат *z* или *ž*, а рефлексы в остальных группах и семьях — плавные или результаты вторичного фонетического преобразования плавных.

Мы не собираемся утверждать, что каждая из предложенных В. М. Иллич-Свитычем этимологий и интерпретаций верна. Расхождения между предварительными набросками пострататических сближений (в [25,

⁷ В списке общетюркских односложных слов [10, с. 193—198] А. М. Щербак в подобных случаях отходит от обычных критериев для реконструкции кратких и долгих гласных (ср. [10, с. 50 и сл.]) и приводит реконструированные основы в такой вид, чтобы они согласовывались с его гипотезой.

⁸ Объясняя *tägri* как дериват от *tägiz* (существует масса других этимологий этого теонима), мы опираемся в первую очередь на семантическую параллель в монгольском: *dalai* «море» и «великий, вселенский, верховный».

26] и более ранних работах) и готовыми статьями Ностратического словаря показывают, что «предварительно сформулированных соответствий», которые предполагает А. М. Щербак (с. 35), не было: соответствия устанавливались и модифицировались по мере расширения объема и углубления анализа привлекаемого материала. Тот вариант ностратической реконструкции, который сложился к 1966 г., вряд ли оценивался самим В. М. Иллич-Свитычем и тем более не может рассматриваться сейчас как окончательный⁹. Исключительно ценно то, что ресурсы для его «ревизии» содержит сам собранный сопоставительный материал: он пригоден не только для иллюстрирования уже найденных фонетических соответствий, но и для обнаружения принципиально новых соответствий. В частности, мы хотели бы обратить внимание на «не предусмотренное» В. М. Иллич-Свитычем (ср. [1, с. III—IV, 150]) регулярное соответствие между алт. *r₂ (тюрк. z) и драв. *r̥, ср. следующие этимологии: [1, № 173; 2, №№ 318, 339, 3, № 378; 26, №№ 1.19, 2.8; 25, с. v. *течь*¹]. С другой стороны, постулировавшееся соответствие между драв. *r̥ и алт. *r₂ документируется только одной, причем очень спорной, этимологией — [1, № 112], тогда как в нескольких случаях драв. *r̥ соответствует алт. *r (тюрк. r) — [1, №№ 22, 26, ? 213, ? 244]. Имеются также примеры на драв. *r при алт. *r [1, №№ 8, 21, 107, 108, 116, 172, 197, 213, 244; 2, №№ 309, 310; 26, № 1.5] и драв. *r при алт. *r [1, №№ 47, 145, 213, 214, 216, 231, 236; 26, №№ 7. 10. 8.2]. Возможное реконструктивное решение, которое мы предлагаем, опирается как на вывод В. М. Иллич-Свитыча о развитии драв. *r̥ из *r в положении перед первоначальным переднерядным гласным второго слога [1, с. III—IV, 150], так и на известную в алтаистике идею о развитии тюрк.-булг. *r₂ из *r в положении перед звуками типа i [16, с. 80] и из сочетания *rj [4, с. 33—37]. Согласно этому решению, ностр. *r- (в илауте) дает тюрк.-булг. *r₂ (в положении перед узким переднерядным гласным и j), *r (в остальных позициях), драв. *r̥ (в тех же случаях, что и тюрк.-булг. *r₂, а также перед широким переднерядным гласным и, возможно, в еще каких-то позициях), *r̥ (в неясных условиях, возможно, в результате упрощения сочетаний ностр. *r с согласным; не исключено, однако, что драв. *r̥ репрезентирует особую фонему ностратического праязыка), *r (в остальных случаях).

5.1. Наиболее весомым аргументом А. М. Щербака в его трактовке дилеммы «ротацизма/зетацизма» должно показаться утверждение о том, что «ротацизм охватил ранние заимствования из индоевропейских языков» (с. 38). Приведенные в этой связи три примера заслуживают поэтому специального рассмотрения.

5.1.1. Др.-тюрк. *öküz* «бык, вол» (ср. также уйг. *höküz*, узб. *hökiz*, якут. *оуус*; чуваш. *väkär*, венг. *ökör* из др.-булг.; монг. **hüker* > ср.-монг. *hüker*, п.-монг. *üker*, монгол. *juGuor*; звенк. *hukur* «корова», эвен. *hæken*) возводятся к тохар. В *okso* «бык», скр. *ukṣā*, авест. *uxšan-* и другим рефлексам и.-е. **uk^hsō*, **uk^hsen*. В связи с этой давно известной этимологией (см. литературу в [27, с. 521—523]) в первую очередь возникает проблема происхождения *h-*, представленного не только в отдельных тюркских языках, где — по мнению А. М. Щербака — этот согласный носит протетический характер [10, с. 81]¹⁰, но также в монгольском и тунгусо-маньчжурском. Обычно *h-* признается рефлексом алт. **p-*; разумеется, для сторонников рассматриваемой этимологии такое решение неприемлемо. В попытке преодолеть эту трудность А. Рона-Таш выводит тюрк. **höküz*/**hokuz* из пратохар. В **hokso*, т. е. из формы, сохранившей и.-е. ларингальный [28, с. 500, 502]¹¹. Однако нет, по-видимому, никаких собственно

⁹ Однако, на наш взгляд, показательно, что за истекшие годы ни в одном из разделов компаративистики (кроме, может быть, афразийского языкознания) не получено фундаментальных результатов, которые требовали бы радикального пересмотра выводов В. М. Иллич-Свитыча.

¹⁰ По крайней мере к материалу халаджского языка такое объяснение неприменимо, см. [11, с. 326—327, 333—336].

¹¹ Аналогичные следы ларингала А. Рона-Таш видит в тюрк. **hdi* «огонь» при и.-е. *(*h*)*dt* (но в тохарском представлено совершенно другое и.-е. название огня —

тохарских данных, которые указывали бы на столь позднее (уже после переселения в Центральную Азию!) сохранение ларингалльных. Более того: многочисленные попытки обнаружить фонетические (а не только морфологические) следы ларингалов за пределами анатolianской ветви и.-е. языков не убеждают в том, что к моменту распада общего праязыка всех остальных ветвей ларингалы еще сохранялись.

Другое, не менее серьезное фонетическое препятствие — предполагаемая субституция *-ks-* → *-küz/-quz*. С одной стороны, все архаические и.-е. данные указывают на то, что *ks* сохранялось в названии быка именно в виде срединного кластера, без вставки гласного¹². С другой стороны, тюркский праязык имел много слов со срединными *ks, qs*, ср. др.-тюрк. *aqsun* «свирельный, буйный», *aqsa-* «хромать», *eksi-/öksü-* «убывать, уменьшаться», *jüksä-* «возвышаться» и т. д. В этой ситуации можно было бы ожидать заимствование и.-е. слова только в виде тюрк. **öksü/*oqsu* или **öksü/*oqsa*, но не в форме **höküz/*hoquz*.

Таким образом, признание первичности плавного (булг., монг. тунг. -r) по отношению к сибиланту служит лишь дополнительным и завершающим, но отнюдь не единственным основанием для отклонения данной этимологии. Более удачным представляется сравнение алтайских слов с и.-е. **peku* «скот» [27, с. 523; 3, № 375].

5.1.2. Др.-тюрк. *jez* «желтая медь, латунь» вкупе с гипотетическим болгарским соответствием **šer* А. М. Щербак считает заимствованием из тохар. А *wäs*, В *yasa* «золото». Эта этимология в цитируемых им работах П. Аалто [30] и К. Г. Менгеса [31] представляет собой одно из звеньев в нагромождении различных названий металлов в разных языках Евразии, обладающих более или менее очевидным попарным сходством. Вот только некоторые из этих названий: шумер. GÜŠ. KIN «золото»; др.-арм. *oski*, арм. *voski* «золото»; фин. *vaski* «медь»; венг. *vas* «железо»; венг. *ezüst* «серебро»; удм. *azveš* «серебро», *uzveš* «олово»; осет. *awzeste* «серебро»; нивх. *wat* «железо»; ненец. *ješa* «железо»; селькуп. *kēsä* «железо»; дагур. *kašö* «железо»; тохар. *wäs*, *yasa* «золото»; тюрк. *jez* «медь»; монг. *žes* «медь»; тибет. *zags* «медь»; нивх. *ais* «золото»; гот. *aiz* «железо»; лат. *aes* «медь»; маньчж. *aisin* «медь»; лат. *aurum* «золото». Эти сопоставления без детальной разработки каждого из них скорее затемняют, чем освещают картину культурных и языковых взаимодействий. В частности, версия о заимствовании тюрк. *jez* из тохарского выглядит на создаваемом фоне не исключенной, но и далеко не единственно возможной, даже если предполагать, что названия металлов появляются в языках только путем заимствований и образуют замкнутое на себе семантическое поле — что, конечно, не соответствует действительности.

Но и принятие этой версии не может служить доказательством развития **z* в булг., монг. *r*, которое предполагает критик. Дело в том, что реально засвидетельствованные чуваш. *ješ* «желтая медь, латунь» и п.-монг. *žes* «медь» имеют *-s* на месте тюрк. *-z*, что характерно для поздних тюркских заимствований в этих языках. Реконструкция гипотетических *r*-овых соответствий у А. М. Щербака опирается, по нашему мнению, на недостоверные или ошибочные интерпретации.

5.1.2.1. Предположение о том, что мокша-морд. *šefe* «медь, латунь» заимствовано из не сохранившегося в чувашском языке др.-чуваш. **šer* (= тюрк. *jez*) высказал Х. Паасонен в 1897 г. [32]. С фонетической точки зрения оно выглядит правдоподобно. Впрочем, в своей мордовской хрестоматии (1909) Паасонен не снабдил это слово никакими этимологическими указаниями [33], что, вероятно, указывает на пересмотр им прежней

тохар. А *por*, В *puwar* [29, с. 382—383]; и.-е. и тюрк. слова сходны, так как восходят к ностр. **qotī* [2, № 343]) и в монг. **halaq* «ладонь» при тохар. А *āle*, В **alyiye* (но в данном случае правильнее в самом тохарском слове, не имеющем хорошей и.-е. этимологии, ср. [29, с. 161], видеть заимствование из монг. **haliya* «ладонь», о котором см. [3, с. 94]). В пяти других предполагаемых тохаризмах тюркских языков представлен чисто вокалический авлаут.

¹² Дж. Клоос предпологает, что в тохарском А могло существовать незафиксированное важное *okās* «бык» [7, с. 120]. Такая форма — мыслимая, но очень поздняя — создает неразрешимые трудности с хронологизацией предполагаемого заимствования.

точки зрения. Тем не менее этимологию Паасонена повторяют многие современные работы [34; 5, с. 156 и др.].

С тюркской этимологией мордовского слова конкурирует иранская, выдвинутая Б. Мункачи и поддержанная в последнее время А. И. Йоки [35, с. 250]. Ср. авест. *zaranya-* «золото» и особенно более поздние формы: пехл. *zarr* «золото», *zarrēn* «золотой», н.-перс. *zār* «золото», *zārrīn* «золотой». Речь может идти или о заимствовании иранской формы с уже утраченным *-n*, или о переосмыслении конечного *n* в **šefeñ* (ср. мокша-морд. *šefeñ* «медный, латушный») как показателя генитива и относительного прилагательного *-ñ*. Иранское название золота отражено и как эрзя-морд. *siñne*, мокша-морд. *siñne* «золото»¹³ — ср. аналогичное положение в обско-угорских языках, где хант. (Вах) *lorñá*, манс. (Пелымка) *tarəñ* «медь» заимствованы непосредственно из иранского названия золота, а хант. (Вах) *sārñá*, манс. (Сосьва) *sərñi* «золото» — из коми *zarñi*, восходящего к тому же иранскому источнику.

5.1.2.2. Предположение о том, что то же гипотетическое др.-чуваш. **šer* отражено в татар. диал. *žar: žäsel žar* «медный купорос» принадлежит, по-видимому, самому А. М. Щербаку.

Прилагательное *žäsel* «зеленый» в этом термине из лаишевского говора говорит о неточности перевода в «Диалектологическом словаре татарского языка» [37, с. 566]: известно, что медный купорос имеет синий цвет, в отличие от железного купороса, который действительно зеленый (ср. англ. *blue vitriol* и *green vitriol*). Неточность подтверждается наличием того же недоразумения в другом татарском словаре, ср. *яшел-зәңгәр* «медный купорос» [38], «железный купорос» [39].

Далее, в лаишевском говоре фиксируется слово *jar* «пленка» (= татар. литер. *яр*) [37, с. 166]. Но в этом говоре сосуществуют формы с афлаутными *j-* и *ž-*, ср. *jalpaju/žalpaju* «скособочиться, накрениться на один бок», *joldoru/žoldoru* «спустить» и т. д. [37]. Это дает все основания отождествлять *žar* в составе *žäsel žar* с *jar*. «Зеленая пленка» — совершенно естественное название для железного купороса, который встречается в природе в виде примазок и натеков. С другой стороны, особым внешним сходством с медью купорос (будь он медный или железный) не обладает и вряд ли может именоваться «зеленой медью», как предполагает этимология А. М. Щербака.

5.1.3. В связи с третьим примером «ротацизма в ранних индоевропейских заимствованиях» — др.-тюрк. *böz* «хлопчатобумажная ткань, холст, бязь», чуваш. *pür* «холст» при греч. βύσσος «льняная ткань» достаточно сослаться на выводы в том же исследовании А. Рова-Таша, которые цитирует и сам А. М. Щербак [40]. Ни о каком индоевропейском заимствовании нет речи, поскольку источником является одно из ближневосточных обозначений тканей (ср. финик. *bš*, араб. *būš*, араб. *bazz*), к которым восходит и греч. βύσσος [41]. Чувашское слово заимствовано из тюрк. **bez* «довольно поздно, и его облик связан с известным в истории чувашского языка развитием $\delta > r$, а не с соответствием тюрк. *z* — булг. *r*, подробнее см. [40].

5.1.4. Очевидно, критик склонен принимать (см. с. 40) и этимологию Х. Педерсена: тур. *eşek* «осел» < арм. *eš* [42], что должно свидетельствовать о первичности тюрк. *š* по отношению к *l*. Однако тюрк. *ešäk*, *ešgäk*, *ešjäk* «осел» невозможно рассматривать в отрыве от п.-монг. *elžigen* «осел» (к фонетике ср. др.-тюрк. *qorğaşun* «свинец» при п.-монг. *qorğolžin* и под.)¹⁴ Предположение о появлении *l* на монгольской почве, сделанное А. М. Щербаком в связи с этим соответствием [9, с. 32], — характерный пример того, какие допущения ad hoc вынужден делать исследователь, если он не признает, что древнетюркский язык, до того как он стал тако-

¹³ Любопытно приводимое Е. Юхасом мокша-морд. *šefeñ*, *šifəñ* «медь, латушь, серебро» [36]. Эти формы составляют как бы промежуточную ступень (или контаминат?) между *šefeñ* «медный, латушный» и *siñne* «золото».

¹⁴ Нельзя исключить, что в конечном счете монг. *elž-*, тюрк. *eš-* и разрозненные, не сводимые к общей праформе и.-е. названия осла (арм. *eš*, лат. *asinus*, греч. βόσς) опосредованно взаимосвязаны — например, через шумер. *anšu* (ср. [43]).

вым, мог претерпеть какие-то историко-фонетические изменения (в данном случае $*i\bar{3} > \bar{s}$).

6. Замечания А. М. Щербака дают повод коснуться нескольких разрозненных вопросов, в основном связанных с методологией сравнительно-исторических исследований.

6.1. Критик не принимает (с. 31) и, видимо, не понимает причин ухода В. А. Дыбо от ответа на вопрос, существовал ли алтайский праязык [44, с. 400]. Но этот вопрос действительно не является для ностратических исследований кардинальным. Среди сторонников ностратики имеются заметные расхождения в оценке алтайской теории — от мнения о том, что три группы алтайских языков составляют семью примерно той же временной глубины, что и индоевропейская или уральская семья, до признания этих трех групп независимыми (т. е. до приравнивания алтайского праязыка ностратическому). Существует и промежуточная точка зрения (которой придерживается автор данной статьи): алтайский праязык существенно древнее индоевропейского и уральского, но моложе ностратического; к нему или к несколько более раннему языковому состоянию восходят, по-видимому, также корейский и японский языки [45, с. 33—36]; значительная часть алтайских лексических параллелей (например, в [16]) отражает не исконное родство, а вторичные тюркско-монгольские и монгольско-тунгусские языковые контакты. Как бы то ни было, указанные расхождения обычно не служат препятствием к принятию тех или иных ностратических этимологий, фонетических правил и т. п. Напомним, что сходная ситуация наблюдается и в такой области, как индоевропеистика. Имеются различные суждения касательно существования балто-славянского праязыка и характера балто-славянских отношений. Но до сих пор это не мешало признавать как балтийские, так и славянские языки индоевропейскими и даже сравнивать их между собой, не установив заранее, «что ими было заимствовано, дважды заимствовано и перезаимствовано» (хотя по мнению В. Банга, которое сочувственно цитирует на с. 31 А. М. Щербак, такое сравнение должно быть абсурдно).

Конечно, насыщенность алтайских языков взаимными заимствованиями, причем одновременными, создает специфические трудности для их исторического изучения. Возможный путь к преодолению этих трудностей показан в последней статье Г. Дёрфера, посвященной «расслоению» монгольско-тунгусских лексических параллелей по лингвогеографическим критериям [46]. С ее автором трудно, однако, согласиться, когда бесспорную идентификацию нескольких «верхних» слоев как монгольских заимствований он экстраполирует на самый «глубокий» слой параллелей. Между прочим, критики алтайской теории (Г. Дёрфер, А. М. Щербак и др.) охотно акцентируют внимание на общности легко подверженной заимствованию культурной лексики алтайских языков, но обычно стараются уйти от объяснения поразительных сходств в сфере местоименной лексики, ср.:

Тюрк.-булг.	П.-монг.	Тунг.	
*bi (чуваш. <i>e-pě</i>)	bi	*bi	«я»
*mäniŋ	minu	*mini	«меня, мой»
*si (чуваш. <i>e-sě</i>)	či	*si	«ты»
*säniŋ	čtnu	*sini	«тебя, твой»

Теория межалтайских заимствований вынуждена, очевидно, трактовать эти сходства как результат заимствования не просто отдельных местоимений (что само по себе большая редкость), но целых местоименных парадигм — случай явно беспрецедентный в практике языковых контактов.

6.2. А. М. Щербак использует подсчеты С. В. Воронина, согласно которым изобразительные слова составляют свыше трети всей реконструированной ностратической лексики. При этом если для самого С. В. Воронина эти подсчеты служат основанием утверждать, что «язык имеет изобразительное происхождение» [47, с. 25], то А. М. Щербак ссылается на них, чтобы дезавуировать соответствующие этимологии: «они не могут быть свидетельством генетического родства в общепринятом понимании его» (с. 33).

Поскольку пояснений о методе ведения подсчетов критиком не делается (непосредственно в [1—2] пометой о дескриптивности снабжено только 28 слов из 353), будет не лишним осветить этот вопрос. Судя по [47], С. В. Воронин исходит из небезынтересных, хотя в основном известных и до него, закономерностей фонетического символизма, например, гласящих, что частота появления лабиальных в обозначениях округлого значительно превышает вероятное ожидание. Непосредственно от этого он переходит к утверждениям иного типа: слова, которые обозначают округлое и содержат лабиальный, — звукоизобразительной природы. Поскольку в распоряжении С. В. Воронина имеется довольно много подобных фонетических примет для разных групп лексики, применение описанного метода (дополняемого, по-видимому, интуитивными оценками) позволяет ему обнаружить в Ностратическом словаре огромное число «дескриптивных» праформ — таких, например, как... *?itü «есть», *?aju «жить», *gUrA «горячие угли» [48]. Аналогичные результаты дает этот метод, насколько нам известно, и в приложениях к любому другому перечню слов (реконструированных или взятых из живого языка) примерно того же семантического состава, что и Ностратический словарь.

6.3. Недостаток методики В. М. Иллич-Свитыча усматривается и в том, что «нередко квалифицируются как алтайские и вводятся в ностратические параллели слова, отсутствующие в тюркских языках» (с. 34). В этой связи уместно вновь сослаться на практику компаративистики: для констатации индоевропейского происхождения, например, германского слова совершенно не обязательно его присутствие одновременно в готском, западно- и северногерманских языках (хотя, конечно, присутствие во всех трех ветвях повышает надежность этимологии). Если учесть чрезвычайно большой временной разрыв между алтайским праязыком (ср. 6.1) и тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским праязыками, каждый из которых по меркам компаративистики довольно молод (длительность дивергенции в пределах 1—2 тыс. лет), то вполне закономерно, что преобладающая часть общеалтайского лексического фонда сохранилась только в одной или двух ветвях алтайских языков или же не сохранилась ни в одной из них, а потому не может быть реконструирована.

Критерии, которыми пользуется сам А. М. Щербак при отнесении тех или иных слов к праязыковому пласту, остаются нам не вполне понятными. Так, на с. 34 он высказывает сомнение в общетюркском характере турецк. *kendi* «сам». Но, как несомненно известно критику, слово *kentü* «сам, свой» фиксируется памятниками древнетюркской письменности, начиная с VIII в. [49]; оно представлено в языках огузской и кыпчакской (куман. *kensi*) ветвей; какие требуются дополнительные свидетельства пратюркской древности слова? Наличие в тюркских языках других слов с тем же значением, перечень которых приводит А. М. Щербак, не меняет дела: *öz* сосуществовало с *kentü*, *kendü* с древнейших времен (ср. др.-тюрк. *kendü* *öz*, *öz* *kendü* парн. «сам, свой»), остальные представляют собой региональные инновации. Нам кажется неосновательной и критика сравнения с п.-монг. *gendü* «самец», давно утвердившегося в этимологической литературе [50; 16, с. 25] и использованного В. М. Иллич-Свитычем [1, № 79].

6.4. Неверное представление о содержании современной ностратической теории может создать у неосведомленного читателя преамбула статьи А. М. Щербака, где одним из основоположников ностратики ошибочно назван А. Тромбетти, направлявший свои усилия на доказательство моногенеза языков¹⁵, и высказывается мнение, что ностратика может превратиться в гипотезу о единой глобальной языковой семье. В действительности подобная перспектива перед ностратикой закрыта, хотя бы потому, что стала известна еще одна макросемья, включающая севернокавказские, енисейские и сивотибетские языки, и сделаны первые шаги в направлении реконструкции праязыка этой макросемьи, который сопоставим с ностратическим праязыком по временной глубине, но явно ему не

¹⁵ См. оценку работ А. Тромбетти в [1, с. 39—40].

тождествен, см. работы С. А. Старостина [51, 52]. К проблеме границ ностратической макросемьи см. также [45].

Неточность, допущенная А. М. Щербаком в связи с А. Тромбетти, — лишь первая среди ряда фактических неточностей, неправильных цитаций материала в его статье (ср. с. 32, 34 и др.). Мы не считаем необходимым специально останавливаться здесь на этих частностях, равно как и на оценочных суждениях А. М. Щербака о В. М. Иллич-Свитыче и его научной деятельности. Все это имеет отношение только к самой статье А. М. Щербака, но не к существованию затрагиваемых проблем.

7. В своем критическом выступлении А. М. Щербак несколько раз повторяет тезис о том, что «В. М. Иллич-Свитыч создал не сравнительную грамматику ностратических языков, а очень своеобразный ностратический вариант индоевропейской сравнительной грамматики» (с. 33), что «под ностратическим уровнем подразумевается древнейшее состояние индоевропейского праязыка (до начала действия алаута, с вокализмом уральского и консонантизмом картельского типа)» (с. 31). Нельзя, конечно, отрицать, что теория В. М. Иллич-Свитыча признает ностратический праязык древнейшим состоянием индоевропейского праязыка. Так же верно и то, что она признает его древнейшим состоянием уральского праязыка (до упрощения системы шумных согласных), тюркского праязыка (до утраты части алаутных сонантов, ладения аулаутных гласных и некоторых других инноваций) и т. д. и т. п. Все это вполне тривиально. Но вряд ли будет ошибкой считать, что в процитированных комментариях ставится другая цель — подчеркнуть, что подход В. М. Иллич-Свитыча к ностратической реконструкции является прямым продолжением традиций индоевропеистики (можно даже сказать точнее: индоевропеистики младограмматиков) и не соответствует тем принципам, на которых пытаются строить реконструкции сам А. М. Щербак.

Мы полагаем, что сказанное выше дает сторонникам ностратики основания без сожаления принять этот упрек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (в. — К). М., 1971.
2. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1 — 3). Указатели, М., 1976.
3. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (р — ч) (по карточкам автора). М., 1984.
4. *Doerfer G.* Proto-Turkic: reconstruction problems. — *Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten*, 1975—1976.
5. *Róna-Tas A.* The periodization and sources of Chuvash linguistic history. — In: *Chuvash studies*. Budapest, 1982.
6. *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian loanwords in the Permian languages. — *Acta Orientalia Hung.*, 1983, XXXVII, 1—3, p. 15.
7. *Clauson G.* An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
8. *Tsintsius V. I.* On the Pre-Altaiic system of consonants. — In: *Researches in Altaic languages*. Budapest, 1975.
9. *Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — ВЯ, 1966, № 3.
10. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
11. *Doerfer G.* Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — *Orientalistische Literaturzeitung*, 1971, 66. Jg., 7/8.
12. *Poppe N.* — *Linguistics*, 1973, Nr. 100. — Rec.: *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
13. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, с. 53—55.
14. *Tekin T.* Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic. — *Acta Orientalia Hung.*, 1969, XXII, 1.
15. *Tekin T.* On the origin of primary long vowels in Turkic. — *UAJb*, 1976, Bd. 48, S. 236.
16. *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
17. *Clauson G.* The Turkish Y and related sounds. — In: *Studia Altaica*. Wiesbaden, 1957.
18. *Серебренников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков. — СТ, 1974, № 6.
19. *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ*. — ВЯ, 1963, № 6.

20. *Doerfer G.* Bemerkungen zu den sojonischen Anlautklusilen.— UAJB, 1973, Bd. 45.
21. *Рассидин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 168—179, 232—236.
22. *Tekin T.* Further evidence for «zetacism» and «sigmatism».— In: *Researches in Altaic languages.* Budapest, 1975.
23. *Tekin T.* Once more zetacism and sigmatism.— CAJ, 1979, XXXII, 1—2.
24. *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, с. 61 и сл.
25. *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков.— В кн.: *Этимология.* 1965. М., 1967.
26. *Иллич-Свитыч В. М.* Соответствия смычных в ностратических языках.— В кн.: *Этимология,* 1966. М., 1968.
27. *Севертян Э. В.* *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные).* М., 1974.
28. *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? — In: *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker.* Berlin, 1974.
29. *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. I. Louvain, 1976.
30. *Aalto P.* Eine alte Name des Kupfers.— UAJB, 1959, Bd. 31.
31. *Menges K. H.* Zu einigen ural-altajisch-toxarischen Wortbeziehungen.— *Orbis,* 1965, XIV, 1.
32. *Paasonen H.* Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen.— *JSFou,* 1897, XV₂, S. 46—47.
33. *Paasonen H.* *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss.* Helsinki, 1909, S. 124.
34. *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. II. Чебоксары, 1968, с. 133.
35. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
36. *Juhász J.* *Moksa-mordvin szójegyzék.* Budapest, 1961.
37. *Татар телеңең диалектологияк сүзлеге.* Казан, 1969.
38. *Татарско-русский словарь.* М., 1966, с. 720.
39. *Русско-татарский словарь.* М., 1971, с. 290.
40. *Róna-Tas A.* *Böz in the Altaic world.*— In: *Altorientalische Forschungen.* III. Berlin, 1975.
41. *Masson E.* *Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec.* Paris, 1967, p. 20—22.
42. *Pedersen H.* *Türkische Lautgesetze.*— *ZDMG,* 1907, LVII, 1, S. 561.
43. *Ernout A., Meillet A.* *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots.* I. Paris, 1951, p. 51.
44. *Дыбо В. А.* *Ностратическая гипотеза (Итоги и проблемы).*— ИАН СЛЯ, 1978, № 5.
45. *Хелимский Е. А.* Проблема границ ностратической макросемьи языков.— В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции.* Т. 5. М., 1984.
46. *Doerfer G.* *Prolegomena zu einer Untersuchung der dem Tungusischen und Mongolischen gemeinsamen Wörter.* — *JSFou,* 1984, 79.
47. *Ворохин С. В.* *Основы фоносемантики: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук.* Л., 1980.
48. *Ворохин С. В.* *Дескриптивные праформы в ностратическом сравнительном словаре (т. 1) В. М. Иллич-Свитыча.*— В кн.: *Конференция «Ностратические языки и ностратическое языковедение»: Тезисы докладов.* М., 1977.
49. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969, с. 298.
50. *Ramstedt G. J.* *Kalmückisches Wörterbuch.* Helsinki, 1935, с. 133.
51. *Старостин С. А.* *Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков.*— В кн.: *Кетский сборник.* Л., 1982.
52. *Старостин С. А.* *Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками.*— В кн.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции.* Т. 4. М., 1984.